

# Мегатренд для мегакомпаний. ESG или устойчивое развитие?

Николай Немчинов | Агротехника и технологии | 21 марта 2022

<https://www.agroinvestor.ru/analytics/article/37726-megatrend-dlya-megakompaniy-esg-ili-ustoychivoe-razvitiye/>



Мировой бизнес охватили новые модные тенденции. На смену термину «устойчивое развитие» пришло ESG (Environmental, Social and Corporate Governance — экологическое, социальное и корпоративное управление). Несмотря на то, что разницы между ними почти никто не проводит, результаты следования «устойчивому развитию» могут кардинально отличаться от результатов соответствия критериям ESG, благодаря которым создаётся своего рода «индекс привлекательности компаний». О том, какие трансформации ждёт рынок в связи с появлением ESG-стандартов, журналу «Агротехника и технологии» рассказали эксперты и участники рынка.

На прошедшем в Глазго в конце прошлого года саммите по вопросам изменения климата (COP26) страны ЕС запланировали к 2030 году снизить уровень парниковых газов на 55% относительно уровня 1990 года, Китай — на 65%. А сельское хозяйство как раз является источником 30% парниковых газов, напоминают в компании Unilever.

Переход к устойчивому развитию — мировой мегатренд, считают в консалтинговой группе «Текарт». По словам её ведущего аналитика Евгении Пармухиной, регулирование в данном направлении будет только ужесточаться, и крупнейшие корпорации вынуждены будут заняться «озеленением» своих экосистем. Уже сейчас финансовые институты повсеместно вводят KPI на ESG.

Ужесточается и внимание к управляющим активами. В марте прошлого года в Европе вступил в силу регламент по раскрытию информации об устойчивом финансировании (The European Union's Sustainable Finance Disclosure Regulation, SFDR). Его цель, помимо прочего, помочь инвесторам избежать гринвошинга — явления, при котором компании безосновательно позиционируют себя или свои проекты как «экологичные». Американская SEC (комиссия по ценным бумагам и биржам) в недавнем прошлом также заявила, что может

ужесточить требования по раскрытию ESG информации для всех публичных компаний, знают в ФГ «ФИНАМ».

## **Зелёная угроза?**

К проблеме климатических изменений относиться можно по-разному, но закрывать глаза на очевидные факты невозможно. Это и длившаяся в Австралии на протяжении почти 10 лет засуха, и сады вокруг Иссык-Куль, которые никогда не поливали (а сейчас там без полива ничего не растёт), и экстремальная жара в Поволжье и Краснодаре.

Повестка 2030 была принята ещё в 2015 году, но в России о ней заговорили буквально два-три года назад. «Наверное, потому, — полагает эксперт отрасли, согласившийся дать комментарий на условиях анонимности, — что большая часть бизнеса и политиков считают, что вся эта повестка придумана для того, чтобы задушить экономику. А может потому, что это никому не нужно, ведь горизонт планирования в бизнесе просто не предполагает каких-либо долгосрочных перспектив. Так, по закону о сельском хозяйстве госпрограммы должны приниматься на пять лет, но не было и года, чтобы эти программы не корректировали. К примеру, в 2019 году ставят план \$45 млрд аграрного экспорта, а в 2020-м начинают этот экспорт ограничивать».

## **Тонкости перевода**

Надо отметить, что в России оба термина — и устойчивое развитие, и ESG — появились сравнительно недавно, что в немалой мере способствовало их путанице. Имеющий более длительную историю термин «устойчивое развитие» в большей мере определяет вектор движения для самой компании, тогда как ESG, несмотря на то, что включает те же самые элементы, направлен вовне — на инвесторов и общественность.

Как вспоминает директор по аграрной политике Высшей школы экономики Евгения Серова, долгое время не было даже адекватного понимания термина «sustainability». Его переводили как устойчивость в плане стабильности развития, тогда как корректнее его понимать, как «оставляющий ресурсы для развития в будущем».

## **В рамках конкурентной борьбы**

Хотя проблема устойчивого развития для аграрного рынка актуальна, называть ESG главным инструментом на этом пути не стоит, считает Евгения Серова. По её мнению, это одна из форм конкурентной борьбы. «Для крупной компании получение ESG-статуса не связано с большими инвестициями и излишней тратой время, а вот мелким и средним производителям добиться ESG-статуса сложно, и из-за этого они начинают проигрывать», — комментирует эксперт.

В Danone Russia также замечают, что работа в этом направлении характерна для крупных публичных игроков. В основном, следование ESG-принципам необходимо, чтобы их деятельность воспринималась не только как получение прибыли, но оценивалась как полезная для общества, не вредная для окружающей среды, прозрачная и этичная, говорят в компании. Очевидные плюсы работы по ESG-стандартам — рост капитализации, улучшение репутации, доступ к льготным кредитам и повышение лояльности потребителей. В Danone Russia только начинают работу в этом направлении.

Продвигаются по пути ESG и в других крупных компаниях. В российском подразделении PepsiCo уже объявили, что к 2030 году вместе агропартнёрами внедрят

практики устойчивого земледелия на почти 3 млн га, будут закупать 100% сельскохозяйственного сырья только у ответственных источников и окажут поддержку более чем 250 тыс. аграриям по всему миру. А в Unilever в феврале 2021 года представили план действий — документ под названием «Компас», в котором компания заявила о намерении сократить к 2030 году выбросы парниковых газов до нуля, а также помочь фермерам и малым предприятиям восстановить уголья.

Поддержкой устойчивых инициатив занимаются и крупнейшие российские банки, рассказывают в консалтинговой группе «Текарт». «Например, Сбербанк заявил, что готов на специальных условиях — с более длительным грейс-периодом и сниженной процентной ставкой — кредитовать предприятия АПК, вкладывающие средства в низкоуглеродные технологии и демонстрирующие высокий уровень социальной ответственности. Ряд инициатив реализует и Россельхозбанк. Под его эгидой создан направленный на поддержку устойчивого развития АПК Фонд «Экология». Он будет оказывать помощь в привлечении финансирования для реализации экологических проектов. С учетом ESG в рамках этого проекта запущена «Школа Фермера», где ведётся обучение лучшим практикам. Развиваются экосистемы «Свое. Фермерство» и «Свое. Родное», финансируется развитие сельских территорий и создание новых рабочих мест, реализуется программа агротуризма. Кроме того, на основании Таксономии, которая была утверждена правительством в сентябре 2021 года, планируется развитие линейки продуктов «зелёного» и адаптационного финансирования для клиентов», — рассказывают в «Текарт».

Однако малый и средний бизнес довольно далёк от этих историй. «Наше аграрное сообщество условно можно разделить на две группы. Большие компании изучают правила, проходят оценку, начинают набираться опыта, а маленькие, например, молочные фермы, даже не знают, что такое ESG», — подытоживает руководитель направления по развитию поставщиков молока Danone Russia Константин Стуловский.



## **Необходимость и принуждение**

Но если про новейшие корпоративные принципы многие предприятия даже не слышали, то про необходимость социальной поддержки все прекрасно знают. Что неудивительно: в

аграрной отрасли сохраняется тяжёлая кадровая ситуация, и если в так называемую «социалку» не вкладываться, работать «на селе» будет просто некому.

«У нас чудовищный дефицит профессиональных кадров — трактористов, механизаторов, агрономов, зоотехников. И всем людям этих профессий надо создавать человеческие условия, это уже доходит даже до нашего крупного агробизнеса», — говорит директор Центра исследований РАНХиГС Александр Никулин.

Однако встречаются и другие исторически сложившиеся модели, рассказывает эксперт. К примеру, в Европе и США развитие социальной инфраструктуры и заботу о населении осуществляет местная муниципальная власть, имея соответствующие бюджеты. «А у нас ещё в советские времена так получилось, что отраслевой принцип убил территориальный. Сельсоветы, на которые делалась ставка, были нищими как церковные мыши, поэтому всю заботу о работниках осуществляли агропредприятия: колхозы и совхозы. Строили школы, больницы, чинили водопровод», — объясняет Александр Никулин.

С крахом советской системы рухнула и привычная модель поддержки. Муниципалитеты, которым передали полномочия, со временем укрупнили, ресурсы стали концентрироваться в райцентрах, а на поддержку сельхозтерриторий деньги если и выделяли, то по остаточному принципу. «В результате все последние 20 лет мы имеем (об этом не любят говорить, хотя тенденция наметилась ещё в позднесоветское время) закрывающиеся школы и больницы», — констатирует директор Центра исследований РАНХиГС.

Сейчас поддержку в целом ряде случаев опять осуществляют агропредприятия, говорит эксперт. Где-то по собственной корпоративной инициативе, а где-то под давлением властей. Как, например, в Белгородской области, где бывший губернатор Евгений Савченко, создав мощный административный ресурс, фактически поставил под контроль взаимодействие агропредприятий с социальной сферой села. «Администрацией Белгородской области была выкуплена примерно половина земельных паёв населения, и при нежелании агрохолдинга заниматься «социалкой», все эти земли легко могли передать более социально ориентированным предпринимателям», — отмечает Александр Никулин.

Но это не частые примеры. В основном руководители сами понимают необходимость подобных инвестиций, может быть, даже неосознанно соответствуя принципам устойчивого развития и ESG.

## **ESG в массы**

Тем не менее, массовое внедрение ESG-стандартов будет сложным и займёт много времени, отмечают в «Текарт», перечисляя связанный с этим процессом целый ряд проблем, таких как значительный груз накопленных в отрасли проблем, низкий уровень человеческого капитала, автоматизации и цифровизации. В Unilever же основной трудностью считают неразвитость инфраструктуры и отсутствие альтернатив нефти и газу, снижение потребления которых устойчивое развитие и ESG как раз предполагает. Но другого пути у российского аграрного сообщества, по-видимому, нет, полагают в компании. Особенно если учитывать интегрированность России в мировые процессы и всеобъемлющий характер зелёной повестки.

Как бы там ни было, но польза от ESG будет всем, считает заведующая лабораторией аграрной политики Института экономической политики им. Гайдара Наталья Шагайда. По её мнению, внедрение стандартов ESG не только будет способствовать снижению

отрицательных экстерналий от крупного производства, но и более гуманному отношению к работникам, в том числе мигрантам, а также честному отношению ко всем акционерам. Но это если действительно внедрять принципы устойчивого развития. Если же следовать за модными ESG-рейтингами, то эффект будет весьма сомнительным.

«У нас всё свелось к термину, тогда как устойчивое развитие, частью которого ESG действительно является, предполагает сохранение плодородия почв, бережное отношение к водным ресурсам. А рейтинги ESG — это показатель, пропущенный через представление о том, что в нём должно быть. Тогда как никаких объективных рейтингов нет и быть не может», — заключает Евгения Серова.